

Е. Максимова:

«Мы ушли и наши спектакли ушли с нами»

Если в балете представить пьедестал, как в спорте, то Екатерина Максимова, вместе с Улановой и Плисецкой, входит на пьедестал почета. Она «звезда» того ранга, когда может уже не работать, не танцевать, а слава ее от этого не уменьшится. И это — раздражает...

В «Независимой газете» была опубликована грустная заметка о чествовании Галины Вишневской. Заметка была в меру комплиментарной. Но комплименты были корректно розданы примадонне вечера, Плисецкой и Максимова. Они были тоже чудом вечера.

Еще в заметке с удивлением отмечалось, что и первое, и второе отделение вечера держали ветераны театра. Хотя второе отделение должна была представлять молодежь — наша надежда и наше будущее.

После пышного вечера пошли разговоры, что чушь и бред, будто Плисецкую, Максимова выгнали из Большого театра.

Все видели, как они пришли, расцеловались, раскланялись. ...Владимир Васильев был учеником Григоровича. Он никогда не умалял заслуг Григоровича в деле его становления. Но...

Григорович стал «мешать» Васильеву, потому что перестал давать ему как учителю ученику. Ученик стал кричать на учителя. Пошли конфликты. Максимова с Васильевым оказались вне стен Большого. Это был итог конфликта с Григоровичем и с теми, кто с ним пил чай.

Но это не был личный конфликт Васильева с Григоровичем. Это был конфликт со всеми, кто высказывает противное мнение. «За двадцать пять лет вокруг руководства театром образовалось ядро посредственности», — объяснял ситуацию когда-то любящий ученик.

Это проблема «учителя и ученика» дамокловым мечом висит и над театром на Таганке. Большой и Таганка — повтор одной и той же ситуации.

...Мы сидим в Александровском саду перед Кремлевскими стенами, куда Максимова и Васильева пригласили работать. Труппа, с которой они работают, называется «балет Кремля». До августа этого названия боялись и считали его похожим на название «балет КГБ». После августа это зазвучало по-другому. Максимова с Васильевым только что вернулись из гастролей по Америке, оттанцевали в вечер, посвященном Г. Вишневской. Васильев улетел в Испанию, Максимова занялась репетициями...

— В Америку, где вы были на гастролях, пришла телеграмма, что вы не «звезды» Большого театра. Как это понять?

— История эта длится много лет. У нас была большая компания, в которую входили Плисецкая, Лавровский, Васильев, Тимофеева и т. д. Был устроен конкурс Министерством культуры, когда нас никого не было, и задним числом нас поставили в известность, что мы этот конкурс не прошли. Наверное, каждый руководитель имеет право решать, кто его устраивает, кто нет. Мы нашли силы уйти. Кто уехал за границу, кто остался здесь.

Нам оставили в Большом театре один спектакль «Анюта», который мы танцуем по договору. В наш адрес было сказано: «Если хотят, пусть танцуют, но не больше семи раз в год».

Фото А. БЫВАЛОГО.

Я на это согласилась. Мне было жалко, если бы спектакль пропал. Как спектакли, которые делала Плисецкая, Тимофеева, Васильев. Они исчезли. Как будто их и не было. Стерли в белые пятна.

Но начальство стало раздражать, что мы где-то еще продолжаем работать. То мы появляемся в Париже, то в Нью-Йорке. Хотя они или не хотят, нас все равно приглашают. Повторяется история с Вишневской. Ее выгнали из театра, из страны, лишили гражданства. И теперь устроили помпу для того, чтобы доказать, что ОНА — «звезда» Большого театра возвращается. Это глупость.

Для всего мира: выгоняли ее или не выгоняли, Вишневская оставалась «звездой» Большого театра. Как Шляпин остался великим русским певцом. Павлова — великой русской балериной. Рахманинов — великим русским композитором. Тарковский — русским режиссером... Наша страна, как некрополь стала... А потом мы выгребаем кости, привозим их с почестями на Родину.

Нас еще не похоронили... Но все это продолжение одной истории.

— Вас выпроваживают, а вы не уезжаете совсем.

— Совсем уезжать мы туда не хотим. Но ездим и будем ездить туда работать. Васильев ставит спектакли. Это накаляет страсти.

Два года назад мы поехали с группой на гастроль. Как было в объявлении «Васильев и Максимова — «звезды» Большого театра и компания». На Западе модно сейчас писать «Рудик Нуриев и друзья». Это объявление стало поводом судебного процесса. Театр предъявил претензии, что мы не имеем права называться «звездами» Большого театра. Наш импресарио был опытный человек. Он подал в суд. И — выиграл. «У вас какие претензии? — спросил он чотом представителей Большого. — Что они «звезды» не Большого театра?» — «Да, они не работают уже в театре» — «Тогда я напишу, что они «суперзвезды».

Теперь гастроль в Америке...

Приходит телеграмма в Мексику, что мы опять не «звезды»... Там развели руками: если Васильев и Максимова не «звезды» Большого театра, то кто звезды? Остальных не знаем...

Мы вернулись с гастролей, стали выяснять, кто послал телеграмму. Телекс был послан из СТД СССР, который не существует, а существует «Международный отдел театра». «Кто отправил телеграмму?» — «Что вы! Что вы! Никто не посылал». Но на бланке именно этой организации был послан факс. Факс — это документ.

— Когда-то по Большому

театру равнялся весь мир. Теперь мы с обидой можем сказать, что весь мир не равняется. Но по нему равняется страна, а та продукция, которую выпускает Большой, неудовлетворительна.

— Устраивается художник: ха-ха — это гениально. Это величайшая победа. Триумф Большого театра. Но приходит один спектакль, распродают декорации и костюмы, чтобы больше спектакль не показывать. Труд артистов пошел под хвост. Но видимость деятельности осталась.

Затрачены деньги...

Ставятся галочки, что что-то делается.

Поколение после нас было созвездием интересных людей: Семеняка, Мухамедов, Семизорова, Михальченко, Фадеев, младший Лиєпа. Сейчас их возраст подходит к пенсионному. Что они сделали? Они станцевали, повторив какие-то спектакли, но своего не создали.

Лиєпа танцует, где угодно. Потом приезжает в Большой. Ему говорят, что для него ничего сейчас нет. «Вы когда уезжаете?» — спрашивают его. Через два месяца, 25-го, к примеру, — он отвечает. «Как жалко. Именно двадцать пятого мы могли бы вам дать спектакль».

Примерно такая история происходит с Анниавили. Девочка обладает яркой индивидуальностью. Прекрасная балерина. Ее приглашают за границу. Она танцует в Англии, Японии, Америке... Она танцует везде, кроме Большого театра. У нее один-два спектакля бывает в год. Она не хочет уезжать. Лиєпа тоже.

— Что нужно, чтобы такое отношение изменилось?

— Или умереть, или уехать. А потом лет через десять вернуться, чтобы сказали: знаете, а вы — гений! Сколько же будет это продолжаться? Мы все теряем — и ничего не приобретаем.

Наш конфликт начался с критики дирекции.

Мы тогда видели, что начинает разваливаться все, чему мы отдали всю свою жизнь. Мы профессионалы — и это увидели раньше, чем другие. Колонны стоят, люстры висят, публика валит, а сцена рушится. Творчество из театра ушло, а диктатура осталась...

И все равно Большой театр — это дом. Нас так воспитали, что это храм искусства. И в нас это сидит. И то, что теперь Большой не храм, а удобное место пребывания каких-то людей, это страшно.

Страшно, когда рушится культура, и возвращать ее очень трудно. Кончится тем, что мы будем приглашать с Запада наших эмигрантов. Будем вставать перед ними на колени, платить долларами, чтобы они заново нас научили.

— Поэтому Владимир Васильев с Барышниковым, Бержаром, Макаровой собираются учредить валютные премии молодым артистам из личных средств... Еще Васильев говорил, что это будут последние его гастроль. Он перестает танцевать?

— Он танцевать продолжает. Но планов у него много. Когда ему не давали ставить в Большом, он ставил в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, на сцене Кремлевского Дворца съездов. Но его заявки на постановки лежат уже несколько лет. И пока не изменится ситуация в Большом, работы там не дадут.

Г. РЕЗАНОВ,
Т. ХОРОШИЛОВА.